

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-417-435
УДК 811.161.1'374:821.161.1

Научная статья / Research article

Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф.М. Достоевского

Е.А. Осокина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка 18/2
ruslang@ruslang.ru

Аннотация. Статья посвящена авторской фразеологии Достоевского, которая характеризует его как художника, носителя русского языка своего времени и может выделять его на фоне других авторов. Выявление и характеристика авторских фразеологизмов и авторских приемов их создания на примере описания фразеологизмов может говорить о языковой творческой личности и об особенностях идиостиля. Системной особенностью идиостиля писателя при описании фразеологии является необычайное разнообразие по форме, смысловым оттенкам и отсылкам к прецедентным текстам, а также особое свойство языка писателя — универсальность и оригинальность, позволяющая выходить за временные рамки творчества писателя. Введенные Достоевским в середине и второй половине XIX-го века фразеологизмы вошли в русский язык, они узнаваемы и так или иначе присутствуют в языке XX-го и XXI-го века. Чтобы стать устойчивыми выражениями, необходимо время для более полного освоения текстов Достоевского, воспроизводства и закрепления фразеологизма в языке. Парадоксально, но препятствием вхождения в язык может стать уникальный, многомерный и неповторимый идиостиль писателя. Переходя из века в век фразеологизмы аккумулируют языковую, а значит и народную, память. Описание фразеологизмов Достоевского дает в перспективе возможность сопоставления как разных произведений одного писателя, так и произведений разных авторов в синхронии и диахронии русского языка.

Ключевые слова: Достоевский; идиостиль; авторская фразеология; потенциальные фразеологизмы; фигуры речи; частотность

Финансирование. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста»

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

Для цитирования:

Осокина Е.А. Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 417—435. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-417-435

© Осокина Е.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'374:821.161.1

Some Aspects of Author's Phraseology of F.M. Dostoevsky

Elena A. Osokina

Russian language institute of RAS
18/2, Volkhonka str., Moscow, Russian Federation, 119019
ruslang@ruslang.ru

Abstract. The article is devoted to the author's phraseology of Dostoevsky, which characterizes him as an artist, a native speaker of the Russian language of his time and can distinguish him from other authors. Identification and characterization of the author's phraseological units and author's techniques of their creation on the example of the description of phraseological units to talk about the language creative personality and the features of the idiosyncrasy. The systemic feature of the writer's idiosyncrasy when describing phraseology is an extraordinary variety in form, semantic shades and references to precedent texts, as well as a special property of the writer's language — universality and originality, which allows you to go beyond the time frame of the writer's work. The phraseological units introduced by Dostoevsky in the middle and second half of the XIX century entered the Russian language, they are recognizable and somehow present in the language of the XX and XXI centuries. To become stable expressions, it takes time for a more complete mastering of Dostoevsky's texts, reproduction and consolidation of phraseological units in the language. Paradoxically, the unique, multidimensional and inimitable idiosyncrasy of the writer can become an obstacle to entering the language. Moving on from century to century accumulate idioms of the language, and therefore people's memory. The description of Dostoevsky's phraseological units makes it possible to compare both different works of one writer and works of different authors in the synchrony and diachrony of the Russian language.

Key words: Dostoevsky; idiosyncrasy; author's phraseology; potential phraseological units; figures of speech; frequency

Financing. Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project No. 18-012-90025 "A linguistic model of Dostoevsky's individual style: corpus technologies in the analysis of literary text"

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

For citation:

Osokina, E.A. (2021). Some Aspects of Author's Phraseology of F.M. Dostoevsky. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 417—435. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-417-435

Введение

Под авторской фразеологией Достоевского в данной работе понимается такое использование им разнообразных фразеологизмов в художественных, публицистических и эпистолярных текстах, которое характеризует его как художника и носителя русского языка своего времени и может выделять его на

фоне других авторов. Выявление авторских фразеологизмов составляет только часть описания идиостиля автора, хотя и весьма выразительную. Если специфические особенности авторской фразеологии в результате максимально полного описания будут выстраиваться в определенную систему авторских приемов, то можно будет на примере описания фразеологизмов говорить о языковой творческой личности и об особенностях идиостиля [1. С. 184—210; 2].

Для описания авторской фразеологии необходима единая терминология для лучшего взаимопонимания, поэтому воспользуемся структурно-типологической классификацией фразеологизмов, отвечающей «интуитивным представлениям исследователей о сущности различных феноменов, которые входят во фразеологическую систему языка. <...> В этой классификации различаются шесть основных типов фразеологизмов: идиомы как наиболее устойчивые образования (*сойти с ума, хоть ты тресни*); коллокации как слабоидиоматичные образования (*зло берет, зерно истины*); пословицы (*цыплят по осени считают*); грамматические фразеологизмы (*по крайней мере, едва не*); фразеологизмы-конструкции (*X — он и в Африке X; всем X-ам X*); ситуативные клише (*спокойной ночи; руки вверх!*)» [3. С. 68—96].

Идиоматика Достоевского

Полного описания фразеологии Достоевского и собственно авторских фразеологизмов пока не существует. Эта работа находится в процессе. Но выборочное на данный момент описание фразеологизмов и их систематизация позволит составить представление об идиостиле писателя. Помимо более или менее устоявшихся фразеологизмов будут рассмотрены так называемые «потенциальные фразеологизмы» — это такие авторские речевые новообразования, которые обладают какой-либо степенью устойчивости, но стать фразеологизмами могут только в перспективе при условии выхода за рамки единичного употребления и дальнейшей воспроизводимости в языке всего населения или определенной его части [4. С. 57—60; 5. С. 5—13]. Устойчивость высказывания определяется разными факторами: метафоричностью, афористичностью, отсылкой к прецедентному тексту, восприятием контекста как хорошо известного и понятного, — что и делает выражение потенциальным фразеологизмом. Временной промежуток до воспроизводимости и закрепления фразеологизма в языке может быть различным.

Идиоматика Достоевского имеет свои особенности при сопоставлении с тезаурусом современной русской идиоматики [6]. Статистическая картина, полученная при таком сравнении, выявляет предпочтения автора.

Более частотные идиомы: *безо всякого* (205), *в глаза говорить/лгать/смеяться* (346), *дай бог* (160), *как раз* (234), *на днях* (179), *с лишком* (94), *чем свет* (49), *честное слово* (69).

Менее частотные идиомы: *в пух* (7), *вверх ногами* (14), *золотой век* (14), *на глаза показаться* (26), *на заре чего-л.* (6), *на словах* (33), *с умом* (8), *с утра до ночи* (28), *цену себе знать* (8), *чистый сердцем* (25).

Есть идиомы единичного употребления, например: *бросить якорь, вызвать на жалость, выйти на чистую воду, год от года, еле на ногах стоять, за компанию, как курица с яйцом, конца не видно, край обетованный, лучшие миры, молочные реки, не по-детски, общий котел, один-единственный, отхожее место, палец даю на отсечение, пролить/уронить в бокал слезу, слеза умиления, со свистом, шутка сказать, языком колотить*.

Для осмысления идиостиля Достоевского при сопоставлении с современной идиоматикой имеет значение и отрицательный параметр, а именно — отсутствие каких-то идиом, которые по сформированному ранее представлению о писателе ожидаемы при непосредственном наложении списка идиом из тезауруса. Психологически при сравнении отсутствие ожидаемого фиксирует внимание и заставляет задуматься, почему например, нет таких фразеологизмов: *бесплодный как смоковница; во всей своей красе, во главу угла, войти в анналы, живем — хлеб жуем, и волки сыты и овцы целы, кануть в Лету, конец света, сам Бог велел, свинья грязь найдет, священная корова, Содом и Гоморра, соль земли, хоть святых выноси* и другие. Как правило, за каждым примером подразумевается прецедентный текст, но не всегда он может быть известен, и это тема для отдельного разыскания. Так, к примеру, идиома *за гранью добра и зла* или *по ту сторону добра и зла* отсутствует у Достоевского, потому что принадлежит Ницше, — это название его книги, изданной в 1886 году, спустя пять лет после смерти Достоевского, — и имеет более позднее происхождение, чем тексты Достоевского.

Системной особенностью идиостиля может быть ситуация с просторечными фразеологизмами — их совсем немного: *всю дорогу, без продыху, стар и мал, есть где поразгуляться, за тридевять земель, куда Макар телят не гонял, нестись как угорелый, бегать ... высунув язык, невесть где.., сиднем сидеть* и некоторые другие. Таких, как *снова-здорово, когда рак на горе свистнет, от горшка два вершка, хоть завались* и тому подобное, которые имеют старинное происхождение и отмечены в современном тезаурусе, у Достоевского нет вовсе.

Еще одной особенностью идиостиля Достоевского является формальная вариантность фразеологизмов — полисемия [3. С. 114] и буквализация, при которой описывается реальная ситуация, но словами фразеологизма:

1) **сквозь пальцы смотреть** — (*из нем. durch die Finger sehen*) ‘пренебрегать, не замечать’.

Обладание жениными денежками буржуа очень хорошо устроил в свою пользу. Вот почему он и готов во многих случаях *смотреть сквозь пальцы* на похождения своей мабишь и не замечать иных досадных вещей, потому что тогда, то есть при размолвке, может неприятно подняться вопрос о приданом (Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях) — Ни России, ни народа! — завопил и Шатов, сверкая глазами, — нельзя любить то, чего не знаешь, а они ничего в русском народе не смыслили! Все они, и вы вместе с ними,

просмотрели русский народ *сквозь пальцы*, а Белинский особенно; уж из того самого письма его к Гоголю это видно (Ф.М. Достоевский. Бесы). Несмотря ни на какие клейма, кандалы и ненавистные пали острога, заслоняющие ему божий мир и огораживающие его как зверя в клетке, он может достать вина, то есть страшно запрещенное наслаждение, попользоваться клубничкой, даже иногда (хоть и не всегда) подкупить своих ближайших начальников, инвалидов и даже унтер-офицера, которые *сквозь пальцы будут смотреть* на то, что он нарушает закон и дисциплину <...> (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

2) **сквозь пальцы, между пальцев (про)мелькнуть/проскользнуть** — исчезнуть, уменьшиться.

— Во-первых, если б мы, в последние двадцать пять лет, всего только по три миллиона в год на эти дороги откладывали (а три-то миллиона у нас просто *сквозь пальцы* иной раз *мелькнут*), то было бы уже теперь выстроено на семьдесят пять миллионов азиатских дорог, то есть с лишком тысячу верст, как ни считать (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя).

Заговорили в последнее время даже о сокращении армии, предлагали в газетах и цифру, именно на пятьдесят тысяч солдат, а другие так уверяли, что и наполовину сократить можно армию нашу: ничего-де от того не будет. Все это и прекрасно бы, но вот что, однако, невольно лезет в соображение: армию-то мы сократим, на первый случай, хоть тысяч да пятьдесят, а денежки-то у нас и *промелькнут опять между пальцами*, туда да сюда, уж конечно, на государственные потребности, но на такие, которые, может быть, и не стоят такой радикальной жертвы (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя). Но я ошибся, и это славно. 2500 подписчиков тем славно, что обозначают установившийся журнал! Разумеется, 3500 подписчиков было бы не в пример лучше. И не понимаю решительно, почему их нет у журнала с таким необходимейшим направлением и при таких статьях, какие являлись в прошлом году. Совершенно убежден, что эти тысяча неявившихся подписчиков уже были и стучались в двери редакции, но только так как-то *проскользнули у ней между пальцев*. И все-то, может быть, зависело от таких мелочей, — от какой-нибудь ловкости, юркости издательской! Все эти мелочи так важны в издательском деле (Ф.М. Достоевский. Письма).

3) **сквозь пальцы посмотреть** — буквализация идиомы, то есть разрушение ее и превращение в обычное словосочетание.

Татьяна Ивановна робко приподняла голову, *посмотрела на него сквозь пальцы* и вдруг залившись слезами, бросилась к нему на шею (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Полисемия фразеологизмов у Достоевского может быть отнесена к стилистическим особенностям авторского текста.

В качестве собственно авторского фразеологизма можно расценивать и такой, как *впрыгнуть в душу своими глазами*, что является перифразой метафорической коллокации *читать мысли* и представляет собой контаминацию двух выражений — *заглянуть/влезть в душу* и *все видеть своими глазами* — с невысокой степенью устойчивости. НКРЯ фиксирует единственное словоупотребление под авторством Достоевского.

«Это с Ламбертом», — подумалось мне вдруг невольно.

— Нет-с, не с господином Ламбертом, — так и угадал он сразу, точно *впрыгнул в мою душу своими глазами*, — а с ихним братцем, действительным, молодым господином Версиловым. Камер-юнкер ведь, кажется? (Ф.М. Достоевский. Подросток).

При таком лексико-семантическом размывании фразеологизм сохраняется, возможно, за счет оказавшейся устойчивой внутренней формы и за счет использования вместо глагола *влезть* более экспрессивного глагола *впрыгнуть*, который и привлекает внимание.

Идиома *как по нитке* (*делать что-л.*) употреблялась в литературе до Достоевского и после, но со значением «равнять, подравнивать»:

«Буду меньше махать рукой, больше всем туловищем», думал он, сравнивая *как по нитке* обрезанный ряд Тита со своим раскиданным и неровно лежащим рядом (Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1878)). Человек сорок крестьян косили, выстроаясь в одну линию, *как по нитке*: ярко блестя на солнце, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срезанная густая трава (С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, слушающие продолжением семейной хроники (1858)).

Авторским нововведением можно считать единожды употребленную идиому **рассказать как по нитке** со значением *без запинки, гладко, логично*.

Вот жаль, что я сам мало понял (времени не было), а то *бы рассказал тебе все как по нитке*. И, вдобавок, благороднейших свойств человек! Я его пригласил к себе погостить. С часу на час ожидаю (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)) [7].

В качестве авторского фразеологизма **случайное семейство** фиксируется в НКРЯ и означает «*беспорядочное семейство, без взаимной любви и связующей идеи; несчастливое семейство*».

Будущий роман. Опять «*случайное семейство*». В клубе художников была елка и детский бал, и я отправился посмотреть на детей (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год).

Вот опять «*случайное семейство*», опять дети с мрачным впечатлением в юной душе (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год).

Отвечаю: *случайность* современного русского *семейства*, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим *семействам*, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. Заметьте еще: эта идея,

эта вера — может быть, даже, пожалуй, ошибочная, так что лучшие из детей впоследствии сами бы от нее отказались, по крайней мере, исправили бы ее для своих уже детей, но все же самое присутствие этой общей, связующей общество и *семейство* идеи — есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, — но порядка (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1877 год).

Коллокация **случайное семейство** не получила широкого распространения в русском языке после Достоевского настолько, чтобы быть всем известной, но она тем не менее воспроизводится в языке и обладает узуальным потенциалом, так же как и идиома **будущий муравейник**:

— **будущий/созидавшийся муравейник** — то же, что «бездуховное и бездушное технократическое сообщество».

Итак, вот это второе решение: ждут *будущего муравейника*, а пока зальют мир кровью (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя за 1877 год). Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. *Муравейник*, давно уже *созидавшийся* в ней без церкви и без Христа (ибо церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все, все общее и все абсолютное, этот *созидавшийся муравейник*, говорю я, весь подкопан (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год).

В основном, это литературоведческие и публицистические тексты, посвященные творчеству Достоевского, или характеристика современного явления с отсылкой к авторству Достоевского.

Она известна: роман **случайного семейства**, возникший на почве «общего беспорядка и хаоса», обстановка романа — «отсутствие родового предания и красивых законченных форм»; роман Достоевского отмежевывается на этой почве от другой романной модели, характеризуемой пушкинскими преданьями русского семейства (Лев Толстой) (С.Г. Бочаров. Леонтьев и Достоевский (1993—1994)).

Жажда воплощения «мечтателя», рожденного от идеи «человека из подполья» и «героя **случайного семейства**» — одна из важных тем Достоевского (М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)) [7].

К авторской модификации идиомы *упасть с неба* относится идиома **упасть на стол с неба**, расширенная автором за счет компонентов *на стол*:

«О, и мы бываем хороши и прекрасны, но только тогда, когда нам самим хорошо и прекрасно. Напротив, мы даже обуреваемы — именно обуреваемы — благороднейшими идеалами, но только с тем условием, чтобы они достигались сами собою, *упадали бы к нам на стол с неба* и, главное, чтобы даром, даром, чтобы за них ничего не платить. Платить мы ужасно не любим, зато получать очень любим, и это во всем». (Речь Ипполита Кирилловича на суде) (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

В качестве авторской модификации фразеологизма с заменой одного слова можно привести идиомы:

— **облупить/обчистить/обобрать как липку** (Д) — ободрать как липку (Тезаурус).

Парижанин ужасно любит торговать, но, кажется, и торгуя и *облупливая вас, как липку*, в своем магазине, он облупливает не просто для барышей, как бывало прежде, а из добродетели, из какой-то священной необходимости (Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях). Заметив в Мизинчикове способности и взяв во внимание рекомендацию, граф предложил ему место управляющего в своих поместьях, прогнав своего прежнего управителя немца, который, несмотря на прославленную немецкую честность, *обчищал* своего графа *как липку* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели). Вторая характернейшая черта в этом разговоре, отмеченная художником-автором, это та, что решает насчет справедливости этих новых идей такой человек, который за них, то есть за счастье пролетария, бедняка, не даст сам ни гроша, напротив, при случае сам *оберет его как липку* (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя).

— **слова, сказанные на ветер** (Д) — (не) бросать слов(а) на ветер (Тезаурус)

Вероятно, беспорядок костюма его, несдерживаемое волнение, ходьба или, лучше сказать, беготня, жестикуляция обеими руками, может быть, *несколько загадочных слов, сказанных на ветер и в забывчивости*, — вероятно, все это весьма плохо зарекомендовало господина Голлякина в мнении всех посетителей; и даже сам половой начинал поглядывать на него подозрительно (Ф.М. Достоевский. Двойник).

— **палец даю на отсечение** (Д) — руку даю на отсечение (Тезаурус)

Ведь вот не будь этого, вот именно этого, так все бы уладилось; разом, одним ударом, одним ловким, энергическим, твердым ударом уладилось бы. *Палец даю на отсечение*, что уладилось бы! И даже знаю, каким именно образом уладилось бы (Ф.М. Достоевский. Двойник).

К авторскому фразеологизму — коллокации — относится дважды употребленное выражение *картофельное остроумие*, не однозначное по смыслу, который мог бы проясниться в расширительном последовании эпитетов-синонимов, но не проясняется из-за вариативной этимологии слова «картофель»¹. Сам автор специально смысл не разъясняет, но по контексту некоторый сарказм прочитывается.

¹ Слово *картофель* восходит к итальянскому *tartufolo* — от латинского выражения *terraturber* — «земляная шишка», — которое, попав к немцам, превратилось в *Kartoffel*, но существует и народная этимология в форме ругательства «крафттойфель», где *kraft* — «сила», а *der Teufel* — «дьявол» [9; 10].

— Ум хорошо, а два — лучше, — в нетерпении подсказал прокурор, давно уже знавший обычай старичка говорить медленно, растянуто, не смущаясь производимым впечатлением и тем, что заставляет себя ждать, а, напротив, еще весьма ценя свое тугое, *картофельное* и всегда радостно-самодовольное немецкое *остроумие*. Старичок же любил острить (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы) Тугое, *картофельное* и всегда радостно-самодовольное немецкое *остроумие* (Ф.М. Достоевский. Из записных книжек (1880)).

Еще одна особенность идиостиля Достоевского выражается в риторическом построении высказывания, в том числе и с фразеологизмами, метафоричность которых писатель обыгрывает и семантически, и синтаксически, и стилистически. Последовательное употребление двух синонимичных идиом в одном предложении с расширением и усилением смысла представляет собой амплификацию — фигуру речи, регулярно используемую Достоевским в повествовании [8. С. 95—101]. В одном предложении употреблены две идиомы: *самая чистая монета* (со значением «истина») и *чистейшее золото без лигатуры*, то есть чистое золото, без примеси (со значением «истина, красота»).

И вот все-то это общество князь принял за *самую чистую монету*, за *чистейшее золото без лигатуры*. Впрочем, все эти люди были тоже, как нарочно, в самом счастливом настроении в этот вечер и весьма довольны собой. Все они до единого знали, что делают Епанчиным своим посещением великую честь (Ф.М. Достоевский. Идиот).

В современном Достоевскому русском языке возникли, укрепились и распространились фразеологизмы-конструкции [3. С. 69] по типу *на N-ой ноге* и *на N-ую ногу*. На данный момент по НКРЯ выявляется несколько фразеологизмов, бывших в употреблении до Достоевского, иногда единожды, и одновременно с ним — это *на одной ноге*, *на равной ноге*, *на широкой/большой ноге*, *на родственной ноге*; *на открытую ногу*, *на большую ногу*, *на барскую ногу*, *на короткую ногу*, — но такого разнообразия определений в устойчивой конструкции не встречается ни у кого, что позволяет их относить к авторству Достоевского с определенной степенью допуска.

— **На благородной / взаимной / высшей / деликатной / тонкой / короткой / патриархальной / прекрасной ноге** (быть/жить/слыть)

У меня же ты сыт, одет, получаешь жалованье; ты *живешь на благородной ноге*, ты артист, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова). Говорят, что до моей поездки в Париж француз и *mademoiselle Blanche* сносились между собой как-то гораздо церемоннее, были как будто *на более тонкой и деликатной ноге*; теперь же знакомство их, дружба и родственность выглядят как-то грубее, как-то короче (Ф.М. Достоевский. Игрок). Свидригайлов и недели не жил в Петербурге, а уж все около него было *на какой-то патриархальной ноге* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание). Водился со всем, что было высшего в губернии, и *слыл на*

прекрасной ноге (Ф.М. Достоевский. Вечный муж). Его [Снегирева], главное, надо теперь убедить в том, что он со всеми нами на равной ноге, несмотря на то, что он у нас деньги берет, — продолжал в своем упоении Алеша, — и не только на равных, но даже *на высшей ноге...* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы). Мы *на такой взаимной ноге...* (Ф.М. Достоевский. Публицистика).

— **На смелую / обширную / капитальную / деликатную / приличную / прекрасную ногу** (быть/быть выстроенным/делаться/образоваться/поставить/стать/сходиться)

Дурак я был, что не отозвался, — подумал он наконец, — следовало бы просто *на смелую ногу* и с откровенностью, не лишённую благородства: дескать так и так, Андрей Филиппович, тоже приглашен на обед, да и только! (Ф.М. Достоевский. Двойник). <...> все это [участие в обстоятельствах господина Голядкина] делалось *на деликатную ногу*, но тем не менее все это дало почувствовать герою повести нашей, что минута для него настала решительная (Ф.М. Достоевский. Двойник). Случилось же это все еще на Песках, когда Устинья Федоровна держала всего только трех постояльцев, из которых, при переезде на новую квартиру, где *образовалось заведение на более обширную ногу* и пригласилось около десятка новых жильцов, уцелел всего только один господин Прохарчин (Ф.М. Достоевский. Господин Прохарчин). Была у него [Степана Никифоровича] одна только страсть или, лучше сказать, одно горячее желанье: это — иметь свой собственный дом, и именно дом, *выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу* (Ф.М. Достоевский. Скверный анекдот). Так что уж я теперь *стала на приличную ногу* раз навсегда, и теперь уж меня долго никто не собьет, по крайней мере я так распорядилась <...> (Ф.М. Достоевский. Игрок). *Поставил я себя здесь на прекрасную ногу* (Ф.М. Достоевский. Письма).

Потенциальные фразеологизмы

Главным критерием вхождения в языковую систему потенциальных фразеологизмов является практика употребления их в речи, причем период освоения их языком может быть различным. Примеров «растаскивания» художественного произведения на пословицы, поговорки, крылатые слова немало. Показателем этого является широкая цитация в разной степени устойчивого выражения, которое изначально было потенциальным фразеологизмом. Часто эти выражения приобретают символическое значение. Древнейшим примером является Библия Ветхого и Нового завета: *райские кущи; Адам и Ева; суета сует; всему свое время; что было, то и будет; нет ничего нового под солнцем; лилия долин; мед каплет из уст твоих; Альфа и Омега; имеющий уши да слышит; тридцать серебряников; испить чашу; благоразумный разбойник* и множество других.

В русской литературе XIX-го века такими произведениями стали, к примеру:

- «Евгений Онегин» А.С. Пушкина: *мы все учились понемногу; мы все глядим в наполеоны; волна и камень; привычка свыше нам дана; чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей; любви все возрасты покорны; желудок — верный наш Брегет; кто там в малиновом берете с послом испанским говорит* и прочие.

- «Горе от ума» А.С. Грибоедова: *счастливые часов не наблюдают; шумим, братец, шумим; горе от ума; ум с сердцем не в ладу; мильон терзаний; служить бы рад — прислуживаться тошно; говорит, как пишет; минуй нас пуце всех печалей и барский гнев, и барская любовь; шел в комнату, попал в другую; а судьи кто; французик из Бордо; дым отечества нам сладок и приятен; хорошо там, где нас нет; сюда я больше не ездук; карету мне, карету* и другие.

К примеру, высказывание: «Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!» — само по себе никоим образом не походит на фразеологизм в синхронии своего контекста, но не в диахронии для нас. За счет многократной цитации этой фразы при мнимой или реальной ситуации в жизни она становится устойчивым высказыванием, формулирующим кредо конформиста.

- Басни И.А. Крылова: *мартышка и очки; это зло не так большой руки; лисица и виноград; видит око, да зуб неймет; наделала синица славы; какой-то Муравей был силы непомерной; чем кумушек считать трудиться; про взятки Климычу читают, а он украдкою кивает на Петра; как бывает жить не тошно, а умирать еще тошней; из кожи лезут вон; а воз и ныне там; пой лучшие хорошо щегленком, чем дурно соловьем; демьянова уха; сильнее кошки зверя нет* и так далее.

Изначальная метафоричность и символичность языка басен, афористичность морали делает текст басни сверхнасыщенным фразеологизмами, которые из потенциальных быстро становятся реальными. В баснях весьма значимыми становятся названия произведений, но не только в баснях — рассказы, повести, поэмы, романы так же сконцентрированы в своих названиях и находятся с ними в драматическом диалоге. Имя собственное, понятое как слово, наделенное сверхсмыслом, входит во фразеологическое поле [11].

Названия произведений Достоевского представляют собой потенциальные фразеологизмы: бедные люди; униженные и оскорбленные; преступление (и) наказание; человек из подполья («Записки из подполья»); вечный муж; смешной человек («Сон смешного человека»)… — которые могут быть экстраполированы на соответствующую им ситуацию в синхронии и диахронии и могут символически ее зафиксировать. Необходимо только одно условие — знание прецедентного текста, то есть содержания и идеи произведения с таким названием хотя бы до того времени, когда уже осмысленно закрепится связь номинации с ситуацией.

Они терпеливо ожидали своей очереди войти в комнату, разложить перед вербовщиком «Фербагайла» свои дипломы, почетные грамоты и блеснуть остатками знаний иностранного языка. **Бедные люди!** Зачем вы здесь? «Фербагайлу» нужны не вы (Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри (2002)) [7].

И так 58 страниц. Бедные **«бедные люди»!** Какая элегия! Тоска, и только (Наталья Игрунова. Что вошло на литературном поле к лету? Журнальное обозрение // «Известия», 2002.07.08) [7].

Я всегда любил наблюдать за тем, как **униженные и оскорбленные** сочувствуют баловням судьбы:) (Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)) [7].

Он узнал людей, прошедших через тюрьмы и ссылки, слушал их рассуждения о настоящем и будущем России, но не мог принять их убеждения: «...люди — это только мы да всякие **«униженные и оскорбленные»**; все злое — направо, все доброе — налево; все светлое — в народе, в его устоях и чаяниях; все беды — в образе правления и дурных правителях...» (Элла Кричевская. «Все в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл» // «Вестник США», 2003.11.12) [7].

Мне кажется, ваши книги — неизменно еще и про то, что Судьба существует, но проявляется через случайности, будучи соприродна скорее не логике причин-следствий и **преступлений-наказаний**, а законам музыкальной гармонии; что линии жизней возникают из хаотических точек так же, как случайные вначале звуки образуют мелодию... (Александр Гаррос, Леонид Юзефович. Журавлиный клинч // «Эксперт», 2009) [7].

Это, во-первых, любовник, чарующий словами (Февральская любовь), и против него, его прекрасных слов — «правда» **вечного мужа**: теперь оказывается, что это действительно, правда (М.М. Пришвин. Дневники (1918)) [7].

Святая ложь февральских любовников и гнусная правда октябрьского **вечного мужа** (М.М. Пришвин. Дневники (1918)) [7].

Наказание любовника через Миф о человеке, беднейшем из крестьян: пусть нет такого человеко-класса в действительности (это иллюзии), но как существо, противное интеллигенту (любовнику), он должен быть создан и созданся, и действовал как гримаса **вечного мужа** (не забывать о Щетинине) (М.М. Пришвин. Дневники (1918)) [7].

Вон Денис мчится сломя голову — **смешной человек** (Л.Г. Матвеева. Продленка (1987)) [7].

Смешной человек... теперь получается, что я играю словами (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)) [7].

Переходя из века в век фразеологизмы аккумулируют языковую, а значит и народную, память.

Творчество Достоевского, продолжительностью в 35 лет, выглядит очень цельным по своему содержанию, и то, что написано им во второй половине жизни, закладывается в начале пути. Языковые эксперименты в ранних произведениях Достоевского проявляются достаточно активно, создавая особое пространство текста в психологическом лабиринте со множеством «зеркал» рефлексии и самоиронии, формирующих образы героев произведений. Потенциальные фразеологизмы как более или менее претендующие на устойчивость и узнаваемые по отдельным ключевым словам, наиболее соответствуют этой психологической заостренности и открывают некую языковую перспективу в будущее.

Тексты Достоевского наполнены потенциальными фразеологизмами. В этих выражениях есть намек на устойчивость за счет большего или меньшего видения или узнавания *внутренней формы* — «образа, фиксированного в плане содержания фразеологизма, а также осознаваемая носителем языка образная мотивация значения фразеологизма его составляющими — словами или морфемами» [3. С. 130—132]. Вот некоторые примеры, принадлежащие Достоевскому именно в такой форме, проверенные по НКРЯ [7].

В следующих примерах фразеологичность определена метафоричностью высказывания:

— **Дела** страшная **куча**, а, право, лучше, если б этого ничего не было (Ф.М. Достоевский. *Бедные люди* (1846)) Заметно было уже по одному виду господина Голядкина, что у него хлопот полон рот и **дела** страшная **куча** (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) — известный в наше время фразеологизм *куча дел* у Достоевского существует в расширенной форме с таким же значением «много дел», «очень занят».

— Наконец, серый осенний день, мутный и грязный, так сердито и с такой **кислой гримасою заглянул** к нему сквозь тусклое окно и комнату, что господин Голядкин никаким уже образом не мог более сомневаться, что он находился не в тридесятном царстве каком-нибудь, а в городе Петербурге, в столице, в Шестилавочной улице, в четвертом этаже одного весьма большого, капитального дома, в собственной квартире своей (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) — метафоричность высказывания и олицетворение «дня» придают высказыванию устойчивость, напоминая нам выражение *с кислой миной*.

— «Эта bestия *ни за грош готова продать* человека, а тем более барина, — подумал он про себя, — и продал, непременно продал, пари готов держать, что **ни за копейку продал** (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) — вариативность выражения представлена в самом авторском высказывании, объединяя их и ассоциативно отсылая к евангельскому фразеологизму *продать за тридцать серебряников*.

— Эта ленивая bestия может, наконец, вывести человека **из последних границ**; где он шатается?» (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) Этот маневр, как и знала она, способен был выводить его **из последних**

границ (Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)) Такая низость с ее стороны, разумеется, вывела меня **из последних границ**; кровь закипела, вскочил, полетел (Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)) Варя, так строго обращавшаяся с ним прежде, не подвергала его теперь ни малейшему допросу об его странствиях; а Ганя, к большому удивлению домашних, говорил и даже сходилась с ним иногда совершенно дружески, несмотря на всю свою ипохондрию, чего никогда не бывало прежде, так как двадцатисемилетний Ганя естественно не обращал на своего пятнадцатилетнего брата ни малейшего дружелюбного внимания, обращался с ним грубо, требовал к нему от всех домашних одной только строгости и постоянно грозился «добраться до его ушей», что и вывело Колю **«из последних границ человеческого терпения»** (Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)) — значение то же, что «из последних сил», «за пределы».

— Дело-то такое мизерное да оно, наконец, и действительно мизерное, плевое, то есть **почти плевое дело...** ведь вот оно, как это все, обстоятельство-то...» (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — то же, что «простое, незначительное дело, не требующее усилий». Синонимы: *раз плюнуть, выеденного яйца не стоит, ерунда, проще пареной репы* и другие.

— Да! нечего сказать, хороши бы были начальники, если б так рассуждали, как я, **забубенная голова!** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— значение фразеологизма то же, что «пропащая голова», «погибший человек», восходящее к изображению «бубнового туза» на спине заключенного [12].

— И тем более прискорбно и оскорбительно это, что даже честные люди, с истинно благородным образом мыслей и, главное, одаренные прямым и открытым характером, отступают от интересов благородных людей и прилепляются лучшими качествами сердца своего **к зловредной тле**, — к несчастью в наше тяжелое и безнравственное время расплодившейся сильно и крайне неблагонамеренно (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— выражение еще только может стать фразеологизмом.

Некоторые фразеологизмы обладают узнаваемой внутренней формой, но имеют усложненную структуру — контаминацию двух фразеологизмов:

— *вспыхнуть от стыда; вспыхнуть как огонь; огонь стыда*

«Подменил, подлец, — подумал господин Голядкин, **вспыхнув как огонь от стыда**, — не постыдился публичности!» (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— *бросился вон; бросился без оглядки*

Господин Голядкин бросил рубль серебром так, как будто бы об него все пальцы обжег, и, не замечая значительно-наглой улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойного могущества, выдрался из толпы и **бросился вон без оглядки** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— *испелить в прах; разом уничтожить*

Потом, вдруг вспомнив, что срезался, герой наш вспыхнул как огонь, нахмурил брови и бросил страшный вызывающий взгляд в передний угол кареты, взгляд так и назначенный с тем, чтоб **испелить разом в прах** всех врагов его (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— *изобразить на лице; недовольная мина*

По-видимому, Крестьян Иванович несколько не ожидал, да и не желал видеть перед собою господина Голядкина, потому что он вдруг на мгновение смутился и невольно **выразил на лице** своем какую-то странную, даже, можно сказать, **недовольную мину** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

— *из уст (его) сыпались слова; слова без (всякого) смысла*

Долгое время **из уст его сыпались слова без всякого смысла**, и наконец только разобрали, что Семён Иванович, во-первых, корит Зиновья Прокофьича одним его давнопрошедшим скаредным делом; потом распознали, будто Семён Иванович предсказывает, что Зиновий Прокофьич ни за что не попадет в высшее общество, а что вот портной, которому он должен за платье, его прибудет, непременно прибудет за то, что долго мальчишка не платит, и что наконец, ты, мальчишка, — прибавил Семён Иванович, — вишь, там хочешь в гусарские юнкера перейти, так вот не перейдешь, гриб съешь, а что вот тебя, мальчишку, как начальство узнает про все, возьмут да в писаря отдадут; вот, мол, как, слышь ты, мальчишка! (Ф.М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846))

Некоторая афористичность выражений придает им устойчивости:

Дескать, **без денег у нас никому не дают!** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

И подменит человека, подменит, подлец такой, — как ветошку человека подменит и не рассудит, что **человек не ветошка** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

Человек ваш пьян, и **путного от него не дожدهшься**; по сей причине предпочитают отвечать письменно (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

Всему есть пределы, и если это шутка, то шутка неблагопристойная, скажу более: совершенно безнравственная, ибо смею уверить вас, милостивый государь мой, что идеи мои, выше распространенные насчет своих мест, чисто нравственные (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

С истинною горестию вижу, как скоро, успешно и какие далекие **корни пустила клевета**, в ущерб моему благоденствию, моей чести и доброму моему имени (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

Ироничность фразеологизма выделяет его в речи и дает шанс на жизнь в будущем в виде «крылатого выражения»:

Так как господа регистраторы были теперь удовлетворены вполне, то вдруг оба **крайне неучтиво покатались со смеха** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

Поживете — увидите, — сказал он с чувством оскорбленного достоинства, взяв свою шляпу и ретируясь к дверям (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846))

Игровой фактор в формировании высказывания выделяет его в речи и при узусном расширении в языке может послужить его фразеологизации:

— Потом, опомнившись и смутно заметив, что сделал две глупости разом, решился, нимало не медля, на третью, то есть попробовал было принести оправдание, пробормотал кое-что, улыбаясь, покраснел, сконфузился, **выразительно замолчал** и, наконец, сел окончательно и уже не вставал более, а так только на всякий случай обеспечил себя тем же самым вызывающим взглядом, который имел необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять в прах всех врагов господина Голядкина (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) Господин Голядкин на мгновение **выразительно замолчал**; говорил он с кротким одушевлением (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — *оксюморон*.

Рассчитываете, может быть, на скорый отъезд мой в Симбирск и думаете, что **не успеем концов свести с вами** (Ф.М. Достоевский. Роман в девяти письмах (1847)) — метатеза в идиоме *сводить концы с концами*.

В принципе, необычное построение фразы, афористичность, особенная форма высказывания с отсылкой к известному символу или пословице может сделать его потенциальным фразеологизмом в языковом узусе. Использование фразеологизмов в фигуре речи с целью придания высказыванию игрового оттенка — один из таких примеров:

— «Дурак я был, что не отозвался, — подумал он наконец, — следовало бы просто **на смелую ногу и с откровенностью, не лишенною благородства**: дескать, так и так, Андрей Филиппович, тоже приглашен на обед, да и только!» (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — в зевгме с ироническим оттенком соединение двух выражений.

Есть примеры идиоматичности с переинтерпретацией значения:

— Теперь он **обратился весь в зрение** и робко, с досадным, тоскливым нетерпением ожидал ответа Крестьяна Ивановича (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — это почти то же, что ‘стать очень внимательным’.

— Говорят еще, господа, что **птица сама летит на охотника** (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)) — другой вариант поговорки *на ловца и зверь бежит*.

Формальное разнообразие фразеологизмов у Достоевского, в том числе потенциальных, подтверждается и такой известной всем старейшей в узусе русского языка фигурой речи, как винительный падеж внутреннего дополнения, как она отмечена у А.А. Шахматова [13 С. 332].

Старикашка! в гроб смотрит, дышит на ладан, как говорится, а **сплетню** бабулю **заплетут** какую-нибудь, так он уж тут слушает; без него невозможно... (Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)).

Возможным заимствованием устойчивых выражений с приспособлением их к русскому языку могут быть такие идиомы:

— Да уж так-с; это, впрочем, постороннее дело; умеют этак иногда **поднести коку с соком** (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) **Коку с соком**, Крестьян Иванович; это пословица русская (Ф.М. Достоевский. *Двойник* (1846)) — ‘льстить, обмануть, пыль в глаза пустить’.

— Не в том смысле говорю, что молодой человек не **взял**, например, **на фасоне** или душевными качествами или в чем-нибудь там другом оплошал. Напротив, он даже малый любезный и милый (Ф.М. Достоевский. *Роман в девяти письмах* (1847)) — то есть ‘не взял пренебрежительным отношением’, не смог ‘пустить пыль в глаза’. Сейчас в сниженном регистре языка существует идиома **держат фасон, что значит** ‘заснаваться, пренебрежительно относиться к окружающим, вести себя гордо; выкаблучиваться, козырять, форсить, пускать пыль в глаза, щеголять, фасонить, глядеть фертом’ [14].

Заключение

Фрагментарное, неполное описание фразеологизмов Достоевского представляет интерес и позволяет наметить некоторые системные особенности описания его идиостиля в соответствии с предложенной классификацией авторской идиоматики. Индивидуальность языковой личности при этом особенно явно проявляется. В этом смысле исследование авторской идиоматики важно не только для описания особенностей художественного текста и стиля писателя, но и для собственного семантического анализа. Иными словами, авторская фразеология демонстрирует одновременно и потенциал фразеологической системы, и реальные отклонения от существующего стандарта. Авторская фразеология Достоевского является оригинальной, необычайно разнообразной по форме, смысловым оттенкам и аллюзиям. Введенные Достоевским в середине и второй половине XIX-го века фразеологизмы входят в русский язык, они узнаваемы и так или иначе присутствуют в языке XXI-го века. В языке специалистов-филологов и они встречаются чаще, чем в языке писателей, публицистов и языке общения, но при популяризации его наследия и специальных словарей, посвященных творчеству писателя и его языку, фразеологизмы, как наиболее выразительная форма языка, войдут в обиход. Как ни парадоксально, но помешать широкому распространению авторской фразеологии в языке может стать уникальный, многомерный и неповторимый идиостиль писателя.

Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2004.
2. *Идиостиль* // Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 21.09.2020).

3. Баранов А.Н, Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
4. Жуков А.В. Фразеологические фантомы в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 57—60.
5. Цицкун В.В., Морозова Т.В. Проблема потенциальности языка: потенциальные слова и потенциальные фразеологизмы (к истории вопроса) // Гуманитарная парадигма. 2017. № 3. С. 5—13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-potentsialnosti-yazyka-potentsialnye-slova-i-potentsialnye-frazeologizmy-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 24.01.2021).
6. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruslang.ru/book_idiomatitsa08 (дата обращения 14.01.21).
7. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search> (дата обращения 15.03.2019).
8. Осокина Е.А. Фигуры речи в комментарии словарной статьи идиоглоссария Достоевского // Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова) : материалы Всероссийской науч. конф. Санкт-Петербург, 16—17 ноября 2011 г. / отв. ред. В.Д. Черняк. СПб: САГА, 2012. С. 95—101.
9. Немецкое ругательство или итальянский гриб? Откуда взялось слово «картофель»? // Портал «Литинтерес». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/litinteres/nemeckoe-rugatelstvo-ili-italianskii-grib-otkuda-vzialos-slovo-kartofel-5cc1e5d83d89f500b3cec862> (дата обращения: 15.01.2021).
10. Происхождение слова КАРТОФЕЛЬ // ЛГΩ Этимологические онлайн-словари русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BA/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 15.01.2021).
11. Афанасьева Э.М. Номинологические модели в художественных практиках: к проблеме онтологии имени // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10419> (дата обращения: 05.02.2021).
12. Бубновый туз // Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/795/%D0%B1%D1%83%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 10.02.2021).
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз Наркомпроса РСФСР, 1941.
14. Держать фасон // Портал «Академик». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fenya.academic.ru/1283/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D1%84%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%BD (дата обращения 14.02.2021).
15. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А—В / Российская академия наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова; гл. редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: АЗБУКОВНИК, 2008; Г—З. М.: АЗБУКОВНИК, 2010; И—М. М.: АЗБУКОВНИК, 2012.

References

1. Karaulov, Yu.N. (2004). Russian Language and Linguistic Personality. Moscow. (In Russ).
2. Idiostyle In *Vikipediya* URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C> (accessed: 21.09.2020). (In Russ).
3. Baranov, A.N. & Dobrovolskij, D.O. (2013). *Fundamentals of Phraseology*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ).
4. Zhukov, A.V. (2009). Phraseological Phantoms in the Russian Language. *Bulletin of the Novgorod State University*, 51, 57—60. (In Russ).
5. Ciczkun, V.V. & Morozova, T.V. (2017). The Problem of the Potentiality of Language: Potential Words and Potential Phraseological Units (to the history of the question). *The humanitarian*

- paradigm*, 3, 5—13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-potentsialnosti-yazyka-potentsialnye-slova-i-potentsialnye-frazeologizmy-k-istorii-voprosa> (accessed: 24.01.2021). (In Russ).
6. Russian Russian Dictionary-Thesaurus of Modern Russian Idioms: about 8,000 idioms of the modern Russian language (2007). A.N. Baranov, D.O. Dobrovolskij (eds.). Moscow. URL: http://www.ruslang.ru/book_idiomat08 (accessed: 14.01.21). (In Russ).
 7. National Corpus of the Russian Language) URL: <http://www.ruscorpora.ru/search> (accessed: 15.03.2019). (In Russ).
 8. Osokina, E.A. (2019). What became of Dostoevsky's "people" In: *V Summer Readings in Darovoye ("Dostoevsky and the People")*, 26—28.08.2016, Zarajsk—Darovo. Kolomna: ID "Liga", pp. 110—146. (In Russ).
 9. German Expletive or Italian Mushroom? Where did the word "potato" come from? *Portal «Litinteres»*. URL: <https://zen.yandex.ru/media/litinteres/nemeckoe-rugatelstvo-ili-italianskii-grib-otkuda-vzialos-slovo-kartofel-5cc1e5d83d89f500b3ccc862> (accessed: 15.01.2021). (In Russ).
 10. The Origin of the Word POTATO) In *Etymological online dictionaries of the Russian language* URL: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BA/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (accessed: 15.01.2021). (In Russ).
 11. Afanas'eva, E.M. (2013). Nomenologically Models in Artistic Practice: the Problem of Name Ontology. *Modern problems of science and education*, 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10419> (accessed: 05.02.2021). (In Russ).
 12. The Ace of Diamonds In *Dictionaries and encyclopedias on Akademik* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/795/%D0%B1%D1%83%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9 (accessed: 10.02.2021). (In Russ).
 13. Shaxmatov, A.A. (1941). *Syntax of the Russian Language*. Leningrad: Uchpedgiz Narkomprosa RSFSR. (In Russ).
 14. Keep the style in *Portal «Akademik»* URL: https://fenya.academic.ru/1283/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D1%84%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%BD (accessed: 14.02.2021). (In Russ).
 15. A Dictionary of the Language of Dostoevsky. Idioglossarium (2008—2012). Yu.N. Karaulov (ed.). Moscow: AZBUKOVNIK. (In Russ).

Сведения об авторе:

Осокина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; *научные интересы*: экспериментальная, авторская, историческая лексикография, Словарь языка Достоевского, лексикология и фразеология; история русской литературы, поэтика и лингвистика текста; древнерусская литература, гимнография и литургия; компаративистика; *e-mail*: lenazar@yandex.ru.

Information about the author:

Elena A. Osokina, Ph.D. philology, Research Fellow of V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences (RLI RAS, Moscow). *Interests*: experimental, authorial, historical lexicography, Dictionary of the language of Dostoevsky, lexicology and phraseology, history of Russian literature, poetics and linguistics of text, old Russian literature, hymnography and Liturgy, comparative studies. *e-mail*: lenazar@yandex.ru.